

Когда мы познакомились, мое первое впечатление от Евгения Соломоновича – какое-то удивительное несоответствие его деятельности, разносторонней, активной и, вместе с тем, его одинокости, незащитности. Притом, что он мог быть очень язвительным и беспощадным по отношению к людям. Да и к себе тоже. Он был постоянно недоволен собой (и другими). Еще одна его бросавшаяся в глаза особенность – артистизм. Кстати, если поискать аналог – на Калмановского похож артист Сергей Дрейден. (Они были хорошо знакомы).

Педагогический метод Е.С. можно назвать методом провокации. Вот он вел обсуждения на семинаре в ЛГИТМИКе (напомню, что он придавал большое значение терминологии, ему хотелось сделать театроведение более “точной” наукой), шел серьезный разбор, и вдруг он намеренно провоцировал разрядку. “Про что это?” Снимал весь пафос интеллектуальных задач. Он предлагал начать сначала, понять корни, из которых спектакль вырос, понять философию, которая его породила. И делал он это намеренно игровым приемом. И в книгах у него встречается тот же прием. Одна из лучших его книг – книга о Тимофее Грановском. Серьезная книга об историке, философе, и вдруг такой текст: “В Покровском жили уютно. По-деревенски, по-помещичьи.

Его спасала игра

Много ели...” Игра служит важному, существенному. Для него главное в повествовании, как формируется мировоззрение человека.

Для меня Калмановский – феномен. Он жил в сложное время. Страх присутствовал в жизни каждого. И в жизни Евгения Соломоновича. Но это был редчайший случай, когда страх стимулировал. В личности Евгения Соломоновича осязались два пласта. Один, навязанный эпохой, а другой иначе, чем идеалистическим не назовешь. Христианский подход, что в те времена, было непривычно.

Посмотрим некоторые его статьи. Вот в одной из них он пишет о провинциальном режиссере. Он понимает, что спектакль не стопроцентная удача, но в нем есть что-то новое. Калмановский очень чутко откликался на талантливость, новизну. И вдруг, посреди театроведческого текста, где он намекает, что не все до конца удалось, он восклицает: “Что ж вы, ребята, хотите, столько лет ничего не было. Ну, не сразу”.

Он прожил сложную жизнь. С юности был бит неоднократно. Его спасала игра. Он любил говорить: “жизнь состоит из мелочей”. Спектакль – тоже жизнь, только вымышленная.

Мне он помог войти в профессию. Объяснил некоторые очень важные вещи. Профессия неразрывна с этикой, – учил Е.С. Благодаря ему я стала интересоваться кукольным театром, Калмановский разбирался в нем как мало кто, книга “Театр кукол. День сегодняшней” и сегодня не устарела. Он был едва ли ни единственный, кто звал молодых участвовать в обсуждениях спектаклей в Карельской гостиной ВТО, не только звал, но и защищал от нападок режиссеров. Вообще он многим помогал. И не только молодым. Вот пример, работала в ВТО Цилия Семеновна Андреева. Жила одна, в коммуналке. И Евгений Соломонович приглашал Цилию (ее все звали без отчества) встречать Новый год. Понимал, каково немолодой, одинокой женщине оставаться в праздник одной.

Очень значительна его “Книга о театральном актере”. В ней, как и в других его работах, – особая, оригинальная форма подачи материала. Евгений Калмановский был человеком академического образования, но не академической, а игровой натуры.

Елена МАРКОВА